

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Рахимов К.Х., Нгуен Ч., Чан Т. Перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США // Мировая политика. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.2.74294 EDN: HJFATH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74294

Перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США

Рахимов Комрон Хакимджонович

ORCID: 0000-0003-2771-1817

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ rahimov_k93@mail.ru

Нгуен Чи Зунг

студент; кафедра Теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ tridung156@gmail.com

Чан Тхи Ми Хань

студент; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ tranmyhanh2812@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные экономические отношения"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.2.74294

EDN:

HJFATH

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2025

Дата публикации:

13-05-2025

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному анализу трансформации и перспектив экономического сотрудничества Китая и Афганистана в контексте вывода войск США в 2021 году. В центре внимания находятся три ключевые кластера: (1) транспортно-логистические проекты — развитие железнодорожных и автодорожных коридоров, в том числе линия Китай–Афганистан и расширение Китайско-Пакистанского экономического коридора; (2) инфраструктурные инициативы — строительство энергетических объектов (TAPI, CASA-1000, ЛЭП 500 кВ), волоконно-оптических сетей и цифрового «Шёлкового пути»; (3) горнодобывающие соглашения — переговоры и контракты на разработку месторождений меди (Мес-Айнак), лития и нефти (бассейн Амударьи). Цель данной статьи состоит в том, чтобы всесторонне оценить осуществимость экономических инициатив сотрудничества между двумя государствами как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на теории международных отношений, в частности либерализма. Данная теория применяется для объяснения того, каким образом экономические инициативы и модели двустороннего и многостороннего сотрудничества могут способствовать миру и стабильности в регионе. Результаты работы демонстрируют, что после ухода США Китай активизировал дипломатическую и экономическую деятельность, предоставил гуманитарную помощь, поддержал реализацию проектов «Пояса и пути» и Китайско-Пакистанского экономического коридора, а также возобновил соглашения по разработке месторождений меди, лития и нефти. При этом объёмы двусторонней торговли выросли, а новые транспортные маршруты способствуют сокращению логистических затрат. Основными препятствиями являются политическая нестабильность, угрозы безопасности (теракты ИГИЛ-Х), дефицит инфраструктуры и квалифицированных кадров. Научная новизна исследования заключается в систематизации и глубоком анализе государственно-политических мер, экономических показателей и механизмов сотрудничества между Китаем и Афганистаном с целью уточнения перспектив их экономического взаимодействия. Новые политические события в Афганистане после вывода войск США в 2021 г. создают насущную потребность в комплексном исследовании, оценивающем практическую осуществимость двустороннего экономического сотрудничества. Результаты исследования могут быть использованы для формирования стратегий международных организаций и инвесторов, а также для разработки механизмов мониторинга и оценки инвестиционных проектов.

Ключевые слова:

Экономическое сотрудничество, Вывод войск США, Китайско-афганские отношения, ИПП, КПЭК, Инфраструктурные проекты, Минеральные ресурсы, Талибан, Региональная интеграция, Геополитика

Введение

Афганистан, благодаря своему уникальному географическому положению между Южной Азией, Центральной Азией, Ближним Востоком и Восточной Африкой, занимает стратегическое место в региональной geopolитике и торговле. Хотя страна богата природными ресурсами, для её экономического развития и интеграции в мировую экономику серьёзным препятствием стали постоянные войны и политическая

нестабильность.

В 2021 г. после вывода войск США образовался значительный вакуум власти, что усилило интерес Китая к участию в восстановлении инфраструктуры и оживлению экономики Афганистана. По мнению А. Дкхара и соавторов, Пекин пересматривает значение Афганистана для Инициативы «Пояс и путь». Участие Афганистана даёт Китаю самый короткий маршрут в страны Западной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки [13, с. 169]. В то же время, как отмечают Д. Каньон и С. Ситароман, действия Китая преследуют не только экономические цели. Они направлены также на сокращение влияния США, сдерживание радикального ислама и укрепление глобальных амбиций по обеспечению безопасности [8, с. 1].

В настоящее время академические исследования и политические доклады, посвящённые экономическому сотрудничеству Китая и Афганистана после ухода США, остаются ограниченными. Данное исследование ставит своей задачей оценить экономические, политические факторы, влияющие на двусторонние отношения, а также выявить возможности и препятствия для долгосрочного партнёрства.

Контекст экономического сотрудничества Китая с Афганистаном

Исторически Афганистан занимал низкий приоритет в дипломатической повестке Китая. В 1955 году правительство Афганистана во главе с Захиром Шахом признало легитимность Китайской Народной Республики, несмотря на существенные экономические и социальные различия между двумя странами. Стороны поддерживали двусторонние отношения на доброжелательной основе, в духе Пяти принципов мирного сосуществования, провозглашённых Пекином, что выразилось в подписании Договора о дружбе и ненападении в 1960 году [20, с. 47]. На тот момент приоритетом КНР оставалась безопасность коридора Вахан — узкого участка границы протяжённостью всего 92 км, но имеющего стратегическое значение в контексте политики Пекина по отношению к уйгурским сепаратистским движениям в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [23, с. 3292–3293].

С 1950-х по 1980-е годы Афганистан находился в сфере влияния Советского Союза, что отражало его роль в системе соперничества великих держав в период холодной войны. Впоследствии страна погрузилась в продолжительную нестабильность, включавшую советское военное вмешательство и последующее правление Талибана*. Эта затяжная нестабильность объясняет, почему КНР проводил политику минимального вовлечения, основанную на двух опорах — экономической и дипломатической [9, с. 8]. Учитывая значительное военное присутствие США в Афганистане, Пекин продолжал придерживаться осторожного подхода. Переломным моментом стал 2014 год, когда министр иностранных дел КНР Ван И совершил первый официальный визит в Кабул. Этот визит ознаменовал начало нового этапа, в ходе которого КНР стал играть более активную роль в афганских делах [22, с. 47].

С августа 2021 года, после вывода войск США и возвращения движения Талибан* к власти, КНР смог сформировать определенное влияние на новый режим. Пекин не выступил с осуждением Талибана* и сохранил свое дипломатическое представительство в Кабуле. Политическая изоляция и прекращение внешней помощи привели к тому, что поддержка со стороны Китая приобрела критически важное значение для функционирования режима Талибана*.

На международных площадках Пекин также высказывался в поддержку Афганистана, призывая к возобновлению помощи и снятию санкций. Спустя несколько месяцев после возвращения Талибана* к власти, между двумя странами были возобновлены соглашения по ряду проектов, реализация которых не была завершена при предыдущем правительстве, включая проект «Мес-Айнак» и разработку месторождений в бассейне Амударьи, а также новые проекты по добыче лития. Китайский частный сектор также демонстрирует активный подход к взаимодействию с афганскими секторами сельского хозяйства и инфраструктуры [20, с. 21].

Экономика Афганистана в указанный период резко сократилась: ВВП снизился на 20 % в 2021 году и, по оценкам, на 30–35 % в 2022 году вследствие затяжного конфликта, природных бедствий и глобального продовольственного кризиса [24, с. 121]. При поддержке Пакистана и других региональных держав Китай выдвинул план восстановления, основанный на принципе «во главе — Афганистан, в интересах — Афганистан». В свою очередь Талибан* заявил, что рассматривает Китай как дружественное государство и приветствует китайские инвестиции в реконструкцию страны [22, с. 46; 17, с. 77].

Пекин предоставил экстренную гуманитарную помощь на сумму около 31 млн долл. США; данный шаг подчеркнул его значение как важного экономического и гуманитарного партнёра в процессе восстановления страны [17, с. 83]. На фоне прекращения или сокращения взаимодействия со стороны многих государств, двусторонняя торговля между Китаем и Афганистаном не только не сократилась, но и продемонстрировала заметный рост. Наблюдалась тенденция к увеличению объёмов экспорта Китая в Афганистан (см. рис. 1) [11].

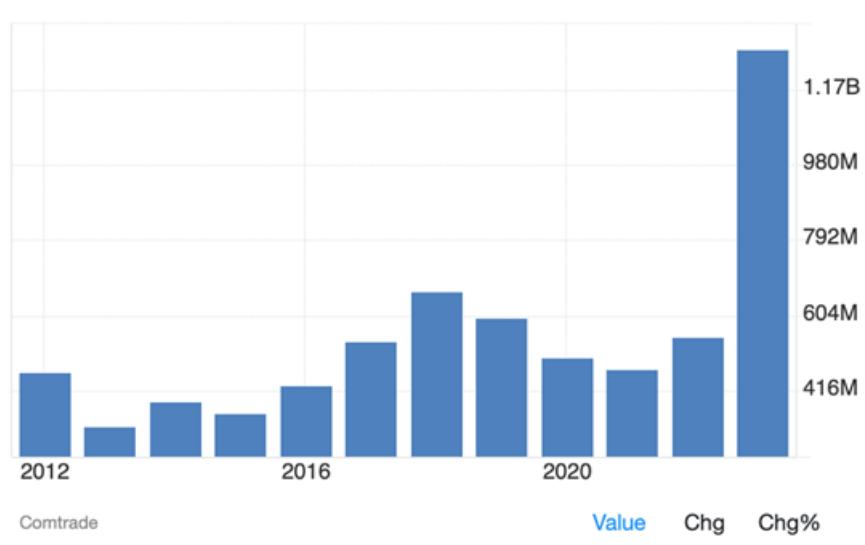

Рис. 1. Китай экспортирует в Афганистан (2012–2024) (Валюта, используемая в таблице — доллары США) [11].

В 2023 году афганский экспорт в Китай составил 63,9 млн долл. США. В свою очередь китайский экспорт в Афганистан достиг 962 млн долл. США (в 15 раз больше), главным образом за счёт синтетических волокнистых тканей стоимостью 141 млн долл. США [10]. Импорт дешёвых товаров из Китая создаёт риск снижения производственных мощностей Афганистана и дальнейшего ухудшения торгового баланса. Кроме того, с 1 декабря 2022 года Китай отменил пошлины для 98 наименований афганского импорта [3]. Эта мера

непосредственно сокращает издержки афганских экспортёров, способствует росту их доходов и поддерживает восстановление внутренней экономики.

Интенсификацию двусторонних отношений между Афганистаном и Китаем можно объяснить несколькими ключевыми причинами. Во-первых, в условиях тяжелейшего внутриполитического и экономического кризиса, Талибан* остро нуждается во внешней финансовой поддержке. Во-вторых, тесные связи между Исламабадом и Талибаном* предоставляют Пекину определённые гарантии в сфере безопасности. В-третьих, для Афганистана важным стимулом является возможность подключения к КПЭК, что открывает перспективы для более широкого доступа к мировым товарным рынкам.

В настоящее время между Китаем и Афганистаном существуют значительные перспективы экономического сотрудничества как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. Во-первых, Афганистан занимает центральное географическое положение на стыке Южной и Центральной, а также Восточной и Западной Азии. Во-вторых, страна обладает богатыми природными ресурсами, которые вследствие продолжительных военных действий до сих пор не были разведаны и освоены [1, с. 229–230; 2, с. 152]. Первоначально, из-за затяжного конфликта, Афганистан не был включён в Инициативу «Пояс и путь». Тем не менее, Пекин часто активно выступает за официальное присоединение Афганистана к этой инициативе ввиду его ключевой роли в связывании китайского рынка с остальной Азией, Европой и Восточной Азией [13, с. 169].

Перспективы интеграции в рамках Инициативы «Пояс и путь»

В то время как Инициатива «Пояс и путь» (далее - ИПП) изначально была ориентирована на страны Центральной Азии и Пакистан, Афганистан приобретает всё большее стратегическое значение благодаря своему расположению на пересечении Центральной и Южной Азии. Будучи наиболее коротким маршрутом из Китая в страны Ближнего Востока и Южной Азии, Афганистан обладает значительным потенциалом для эффективной транспортировки грузов и энергоресурсов [19, с. 14].

Правительство Талибана* рассматривает ИПП как возможность для модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры, а также для интеграции в глобальные торговые сети. Инвестиции в Афганистан способны улучшить логистику и транспорт, стимулировать внешнюю торговлю, создавать новые рабочие места и привлекать иностранный капитал, что является ключевым фактором для восстановления экономики страны [6, с. 120].

Стартовой вехой на пути интеграции Афганистана в Инициативу «Пояс и путь» стало подписание в мае 2016 г. «Меморандума о запуске проектов ИПП» между КНР и Афганистаном. В августе того же года была введена в эксплуатацию первая железнодорожная линия Китай—Афганистан, впервые соединившая две страны напрямую, без участия Пакистана. Проект стартовал с отправки первого грузового поезда из Афганистана в Китай и в настоящее время расширяется: ведутся подготовительные работы по восстановлению участка Шер-Хан—Герат [15, с. 21].

Более глубокий анализ свидетельствует о том, что Афганистан может выступить недостающим звеном в сети ИПП. Завершение автомобильной трассы Пешавар—Кабул позволит сократить сухопутный маршрут из Китая в регионы Ближнего Востока и Индии. Формирование транспортного коридора через Пакистан, Афганистан и страны Центральной Азии станет стратегическим шагом для Китая, однако его реализация

потребует эффективного сотрудничества с властями Талибана*. Особенно примечателен экспериментальный маршрут «Китай—Афганистан» (см. рис. 2), открытый в сентябре 2022 г. в рамках проекта ККУЖД (Китай—Киргизия—Узбекистан). Время в пути по этому маршруту сократилось до двух недель, а грузоподъёмность одного поезда достигает 5 000 контейнеров [4, с. 61–62].

Рис. 2. Китайско-афганская железная дорога [18].

В настоящее время Афганистан обладает потенциалом стать важным транзитным узлом в трёх ключевых сферах: в грузовых перевозках — за счёт реализации проекта «Железная дорога пяти наций» (см. рис. 3); в энергетике — благодаря предложенным инициативам, таким как трубопровод ТАРИ, линия электропередачи CASA-1000, ЛЭП 500 кВ в рамках проекта ТАР и гидроэнергетические объекты в бассейне рек Кабул—Кунар; а также в сфере передачи данных — через создание волоконно-оптического «Ваханского коридора», интеграцию в магистраль КПЭК и техническую поддержку от концернов ZTE и Huawei для развертывания сетей GSM, 3G и CDMA [19, с. 6]. Особое внимание уделяется проекту «Цифровой Шёлковый путь», призванному превратить Афганистан в межконтинентальный дата-центр, который на данный момент находится на стадии пилотного развёртывания [13, с. 171].

В целом эта многоуровневая инфраструктурная архитектура органично вписывается в «южный пояс» Инициативы «Пояс и путь», связывающей Китай с Юго-Восточной Азией и Индийским океаном, где среди приоритетных проектов наряду с «Железной дорогой пяти государств» выделяются трёхмаршрутный коридор Кундуз—Торкхам и специализированная железнодорожная линия через Хайратон [19, с. 21].

Table 1: Five Nations Railway: Railway projects within Afghanistan.

Source: *Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan: Annual Review 2017*, p. 21.

#	Railway project	Length (km)	Pre-feasibility study	Feasibility study	Detail design & construction
1	Khaf (Iran)–Herat, fourth section, Phase 1	43	Completed	Completed	Planned
2	Sherkhan Port (border between Kunduz and Tajikistan)–Kunduz–Mazar-e-Sharif (Balkh)	187	Completed	Completed	Planned
3	Mazar-e-Sharif (Balkh)–Sheberghan (Jawozjan)– Andkhoy (Faryab)	220	Completed	Completed	Planned
4	Sheberghan (Jawozjan)– Maimana (Faryab)–Qala-e-Naw (Badghis)–Kushk (Herat)	472	Completed	Ongoing	Planned
5	Khaf–Herat third section	62	Completed	Completed	Ongoing
6	Torghundi (border between Herat and Turkmenistan)–Herat Airport	173	Completed	Completed	Planned

Рис. 3. Железная дорога пяти наций: Железнодорожные проекты с Афганистаном [\[18\]](#).

Перспективы в Экономическом коридоре Китай–Пакистан

Из шести сухопутных коридоров ИПП наиболее заметным и приоритетным является Экономический коридор Китай–Пакистан (далее - КПЭК). Одним из возможных путей интеграции Афганистана является соединение с КПЭК через четыре железнодорожные ветки в провинциях Гельманд, Кандагар, Хост и Нангархар [\[19, с. 3–4\]](#).

С 2013 года Пакистан является главным бенефициаром инвестиций КПЭК. Пекин и Исламабад позиционируют его как двусторонний проект с возможным расширением для третьих стран [\[14, с. 5\]](#). В 2017 году на Китайско-Афгано-Пакистанском диалоге министров иностранных дел КНР предложил включить Афганистан в КПЭК. Однако правительство Афганистана во главе с Ашрафом Гани потребовало от Пакистана наладить транспортное сообщение с Индией. В результате эти разногласия привели к приостановке соответствующих планов расширения проекта [\[24, с. 116–117\]](#).

После вывода войск США Китай быстро наладил контакт с режимом Талибана*. В апреле 2022 года на конференции министров иностранных дел соседних стран Пекин инициировал «Тунсийскую инициативу». В её рамках предлагалось расширить КПЭК и Экономический коридор Китай–Центральная Азия–Западная Азия на Афганистан [\[24, с. 117\]](#).

9 мая 2023 года на трёхсторонней встрече в Исламабаде министры иностранных дел Китая, Пакистана и Афганистана согласовали расширение КПЭК на Афганистан. Они также подтвердили свою поддержку многосторонних инфраструктурных проектов, таких как энергетический проект CASA|1000 и Железная дорога через Афганистан. В свою очередь, режим Талибана* положительно воспринял приглашение Китая и Пакистана, расценив его как возможность ускорить восстановление страны и снять её международную изоляцию [\[20, с. 19\]](#).

Для успешной реализации проекта Афганистан должен обеспечить политическую стабильность. Необходима надёжная охрана иностранных инвестиций. Во время визита министра иностранных дел Ван И в марте 2022 года подчёркивалось, что Талибан* должен бороться с такими террористическими группировками, как Исламское движение Восточного Туркестана*. Это важно для создания безопасной среды сотрудничества. Несмотря на обещания, способность Талибана* выполнять эти задачи остаётся ограниченной. Очевидным свидетельством этого стала террористическая атака на один

из отелей Кабула в декабре 2022 г., в результате которой пострадали пять граждан Китая [\[24, с. 122\]](#).

Вступление Афганистана в КПЭК даст ему доступ к рынкам Южной Азии, который снизит затраты на импорт и стимулирует экспорт. В частности, автодорога Пешавар–Кабул позволит снизить логистические затраты при экспорте таких традиционных афганских товаров, как кедровые орехи и шафран. В провинциях Хост и Пактия более 40 000 человек заняты сбором и обработкой кедровых орехов. Связь этой трассы с портом Гвадар уменьшит логистические расходы и повысит объёмы экспорта [\[5, с. 93\]](#).

Интеграция с проектами железных дорог через Гиндукуш может превратить Афганистан в стратегический мост между Центральной Азией, Южной Азией и Западной Азией [\[15, с. 22\]](#). Планируется подключить железнодорожную дорогу Карачи–Пешавар к афганской сети. Китайская сторона предложила построить национальную сеть автомобильных дорог в Афганистане, а также реализовать энергетические проекты. Экспортно-импортные операции через порты Гвадар и Карачи будут существенно стимулированы. Трассы Пешавар–Кабул–Таджикистан и Кветта–Герат–Туркменистан включены в план расширения КПЭК [\[5, с. 93\]](#). Все эти инициативы призваны превратить Афганистан в важнейшее звено региональной торговой сети.

Наконец, развертывание оптоволоконного «Цифрового Шёлкового пути» по большей части территории Афганистана в сочетании с КПЭК и сухопутно-железнодорожными маршрутами через регион Залива (Чабахар–Зарандж–Деларам) расширяет влияние Китая. Это ограничивает роль Индии и США в Южной Азии. Данная модель сотрудничества «Китай–Пакистан–Афганистан» рассматривается как стратегический ход Пекина по созданию надёжного постамериканского коридора. [\[8, с. 1–2\]](#).

Минеральный потенциал Афганистана

Афганистан обладает богатыми минеральными ресурсами. Среди них медь, железо, уголь, драгоценные камни, мрамор, литий и углеводороды. Тем не менее, из-за продолжительного вооружённого конфликта большинство из них остаётся неосвоенным. КНР намерена обеспечить доступ к указанным запасам посредством инвестиций в инфраструктурные проекты на территории Афганистана. Данные действия направлены на поддержку индустриализации внутри Китая и установления стабильности в Афганистане [\[16, с. 451\]](#). По оценке, стоимость афганских минеральных ресурсов составляет от 1 до 3 трлн долл. США [\[19, с. 37\]](#). Несмотря на нехватку достоверных данных, этот потенциал привлекает интерес Китая. Следует подчеркнуть, что для Пекина приоритетнее поддерживать стабильность в Афганистане, чем просто добывать ресурсы [\[24, с. 117\]](#).

Месторождение Мес-Айнак, расположенное в 40 км к юго-востоку от Кабула, является вторым по величине медным рудником в мире. В 2008 году Китайская металлургическая корпорация (МСС) и компания Jiangxi Copper были наделены правом разработки данного месторождения. Общий объём инвестиций превысил 3,5 млрд долл. США, а срок действия контракта составил 30 лет. В рамках проекта предусматривалось строительство необходимой инфраструктуры, включая электростанцию и угольное хранилище, а также импорт оборудования, необходимого для ведения горных работ. Тем не менее проект был приостановлен в 2015 году вследствие разногласий по условиям распределения прибыли, снижения мировой цены на медь и обострения ситуации с безопасностью [\[21, с. 69; 6, с. 122\]](#).

Афганистан считается владельцем второго по величине в мире месторождения лития — около 9 млн тонн, наравне с Боливией [19, с. 39]. Первичные данные получили советские специалисты в 1980-е годы. В 2010 году исследования армии США подтвердили запасы и оценили их стоимость в 3 трлн долл. США. В начале 2023 года китайская компания Gochin заявила о намерении инвестировать 10 млрд долл. США в добычу лития в Афганистане. В этом же году КНР подписал с Талибаном* контракт на изучение двух перспективных месторождений лития [6, с. 123]. Учёт того, что Китай доминирует на мировом рынке электромобилей с долей 73,1 %, делает контроль над поставками лития жизненно важной стратегией [12].

Ещё одним ключевым энергетическим проектом является добыча нефти на территории бассейна Амударьи. В 2012 году лицензия на 25 лет разработки была получена China National Petroleum Corporation (CNPC), однако работы не были начаты из-за проблем с обеспечением безопасности. По предварительным оценкам, запасы нефти в этом регионе составляют около 87 млн баррелей [7, с. 134]. После прихода к власти Талибана* усилия по возобновлению проекта активизировались. 5 января 2023 года был подписан инвестиционный контракт между Талибаном* и дочерней компанией CNPC — Xinjiang Central Asia Petroleum and Gas Company (CAPEIC) — на сумму 150 млн долл. США в год в течение трёх лет, с общим объёмом инвестиций до 540 млн долл. США в рамках 25-летнего соглашения. В тот же период был заключён дополнительный контракт на 35 млн долл. США для бурения 18 скважин. В соответствии с достигнутыми договорённостями при выходе на проектную мощность ожидается добыча около 3 000 тонн сырой нефти в день, причём первая скважина на месторождении Кашкари в провинции Сар-э-Пол рассчитана на ежесуточный объём добычи 50 тонн [6, с. 123].

Учитывая большие запасы меди, лития и нефти, Афганистан может стать стратегическим центром природных ресурсов в регионе. Однако разработка зависит от двух ключевых факторов: стабильной безопасности и способности выполнять контракты. Хотя Китай наращивает своё присутствие через соглашения с Талибаном*, реальные темпы работ остаются низкими. Это показывает, что Афганистан пока не входит в число приоритетов долгосрочной инвестиционной стратегии Китая.

Основные препятствия для сотрудничества

КНР заинтересован в неразработанных ресурсах Афганистана за высокий спрос на минеральное сырьё для поддержания темпов индустриализации. Как было проанализировано выше, в период Афганской Республики Пекин заключал многомиллиардные контракты — в частности, на разработку медного месторождения Айнак в провинции Логар и на добычу нефти в бассейне Амударьи. Однако из-за проблем с безопасностью и политического давления со стороны США эти проекты были приостановлены. После возвращения Исламского Эмирата Афганистана были перезаключены многочисленные горнодобывающие соглашения. Согласно данным исследования А. Аксира и соавтора, около 100 китайских компаний зарегистрировались в Министерстве горнодобывающей промышленности Афганистана и прибыли 500 китайских торговцев для изучения инвестиционных возможностей в горнодобывающую отрасль, что свидетельствует о широком интересе к добыче полезных ископаемых [6, с. 125]. С другой стороны, Е. И. Сафонова подчеркнула, что многие китайские компании просто останавливаются на полевых исследованиях и уходят. Такие действия разочаровали чиновников Талибана* [4, с. 61].

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Афганистан представляет собой потенциально кратчайший сухопутный маршрут, соединяющий Китай с Западной Азией и Европой, в частности через Иран. Предлагаются к реализации такие проекты, как железная дорога Пяти наций [6, с. 125]. Следует отметить, что данные инициативы могут рассматриваться как важные шаги в развитии экономического сотрудничества между двумя странами.

Однако инициатива ИПП неоднократно подвергалась критике в связи с рисками вовлечения развивающихся стран в так называемую «долговую ловушку». Характерным примером является Шри-Ланка, вынужденная передать управление портом Хамбантота из-за невозможности обслуживать долг; Джибути также сталкивается с подобными рисками. Помимо этого, крупные инфраструктурные проекты в рамках ИПП сопряжены с потенциальными экологическими и социальными рисками, а также с коррупционными рисками, особенно при отсутствии эффективных механизмов мониторинга и контроля [15, с. 23].

Одной из наиболее серьезных проблем в сфере двустороннего экономического сотрудничества является обеспечение безопасности. Несмотря на установление контроля Талибаном*, насилие в стране продолжается. Группировка «Вилаят Хорасан» (ИГИЛ-Х)* представляет собой серьезную угрозу безопасности, осуществляя многочисленные террористические атаки как на территории Афганистана, так и за его пределами. Согласно данным, приведенным в исследовании Ц. Чжана, в период с августа по декабрь 2021 года ИГИЛ-Х* осуществило 152 нападения, по сравнению с 20 нападениями за аналогичный период предыдущего года. КНР требует от Талибана* гарантий создания безопасной среды для реализации инвестиционных проектов, однако, по состоянию на текущий момент, данные обязательства не выполняются эффективно [24, с. 123].

Ц. Чжан также подчеркнул, что Афганистан испытывает острый дефицит инфраструктуры и человеческих ресурсов. Согласно данным за 2016–2017 гг., лишь 36% населения имели доступ к чистой питьевой воде и 31% – к электроэнергии, при этом основная часть жителей проживала рассредоточенно в сельских районах. Многие транспортные маршруты, такие как Кабул-Майдан-Шар-Гардез, до сих пор не построены из-за недостатка финансирования. Природные катаклизмы в 2022 году нанесли ущерб, оцениваемый в 2 млрд долл. США; одновременно боевики ИГИЛ-Х* разрушили как минимум четыре крупные опоры линий электропередачи, что усугубило нехватку электроэнергии [24, с. 124]. Миграционные процессы, высокий уровень безработицы и так называемая «утечка мозгов» затрудняют для Афганистана реализацию потенциала, связанного с международными инициативами.

Тем не менее, следует признать, что формирующиеся отношения не представляют собой равноправного торгового партнерства. Пекин скорее выступает в роли основного инвестора и донора гуманитарной помощи для Афганистана в период после вывода американских войск. Китай приоритетно инвестирует в материальную инфраструктуру – автомагистрали, железные дороги, водные пути, экономические зоны и ресурсные коридоры – с целью обеспечить связь между источниками сырья и экспортными портами, способствуя тем самым повышению эффективности добычи и экспорта. Однако такой подход к инвестированию часто оставляет без внимания развитие человеческого капитала, совершенствование государственного управления и укрепление переговорного потенциала местных органов власти, что повышает уязвимость

Афганистана перед внешним влиянием и манипулированием.

Выводы

Систематизировав и проанализировав соответствующие данные, авторы приходят к выводу, что экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном является полностью реализуемым и обладает высоким потенциалом. Вывод войск США в 2021 году устранил одно из основных политических препятствий для Пекина и способствовал установлению сравнительно благоприятных отношений с талибами. Это подтверждается серией контрактов на разработку минеральных ресурсов и усилиями Китая по интеграции Афганистана в Инициативу «Пояс и путь». Несмотря на хорошие перспективы, Афганистан сталкивается с нерешёнными проблемами политической нестабильности и угрозами безопасности. Ограниченнная инфраструктура и нехватка квалифицированных кадров также сдерживают развитие. Риски, связанные с террористическими атаками и внутренними конфликтами, остаются серьёзным препятствием для иностранных инвестиций. Авторы предлагают следующие меры для повышения реализуемости экономических проектов сотрудничества двух стран:

Во-первых, в качестве ведущей державы в регионе Китай должен проявлять более инициативный подход к афганским проблемам. Вывод войск США убрал главное политическое препятствие для Пекина, но одновременно создал вакuum власти. Китай обязан заполнить этот вакuum посредством гуманитарной и экономической помощи Афганистану. Кроме того, следует развивать «мягкую силу» через культурный, спортивный и образовательный обмен.

Во-вторых, правительство Афганистана должно улучшить внутреннюю обстановку безопасности. Решение этой задачи возможно при участии региональных держав — России, Китая и Пакистана — в рамках таких форматов, как ШОС. Параллельно Талибан* следует разработать более открытые экономические политики для привлечения инвестиций не только из Китая, но и из других стран региона.

В-третьих, Афганистану необходимо сосредоточиться на создании инфраструктурных объектов, привлекательных для иностранных инвестиций: дорог, электросетей, портов, аэропортов и железнодорожных линий, соединяющих страну с соседями. Проекты в рамках Инициативы «Пояс и путь» имеют решающее значение для этой стратегии. По мнению авторов, приоритетным направлением двустороннего сотрудничества должны стать именно инфраструктурные проекты.

В-четвертых, для достижения долгосрочных экономических целей руководству Талибана следует уделить первоочередное внимание развитию кадрового потенциала: повышению профессиональных знаний и навыков, необходимым для эффективного участия в китайских программах. Это подразумевает техническое и профессиональное обучение, высшее образование и академический обмен.

* организация (движение), признанная террористической и запрещенная в Российской Федерации.

Библиография

1. Дьяконова, М. А., Шарипов, Ф. Ф. Афганистан и его роль для России и Китая // Современные востоковедческие исследования. 2022. Т. 4, № 4. С. 146-155. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-146-155. EDN: SRTXMD.
2. Клименко, А. Ф. Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность.

2022. Т. 27, № 27. С. 225-239. DOI: 10.48647/IFES.2022.45.24.017. EDN: MLEARX.
3. Начиная с 1 декабря Китай предоставит нулевой тариф на 98% тарифных позиций товаров из 10 стран, включая Афганистан [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/09/content_5725688.htm (дата обращения: 15.04.2025).
4. Сафронова, Е. И. Китай и Афганистан: состояние отношений после вывода войск США // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 56-69. DOI: 10.31857/S013128120023341-6. EDN: IDQYBD.
5. Ши, В. ШОС и инициатива "Пояс и путь": перспектива двойной страховки для Афганистана // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 9. С. 90-98. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-90-98. EDN: XAMUKK.
6. Acxir, A. S., RahmanZai, S. R. Review of Opportunities and Challenges in China-Afghanistan Relations Post-U.S. Withdrawal // Journal of Political Science and International Relations. 2024. Vol. 7, № 4. P. 114-127. DOI: 10.11648/j.jpsir.20240704.14. EDN: CFUJXE.
7. Adam, S., Azhar, A. China's Engagement in Afghanistan: Implications for the Region // Policy Perspectives. 2018. Vol. 15, № 1. P. 127-138.
8. Canyon, D., Sitaraman, S. China's Global Security Aspirations with Afghanistan and the Taliban // Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies. 2020. 4 P.
9. Chene, H. China in Afghanistan: balancing power projection and minimal intervention // Institute of Peace and Conflict Studies. 2015. 22 P.
10. China and Afghanistan's exports [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/afg/partner/chn> (дата обращения: 15.04.2025).
11. China Exports to Afghanistan. Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/afghanistan> (дата обращения: 15.04.2025).
12. Countries by share of global BEV and PHEV markets. Autovista24 [Электронный ресурс]. URL: <https://autovista24.autovistagroup.com/news/china-starts-2025-at-the-front-of-the-global-ev-market/#:~:text=BEV%3A%20battery%20electric%20vehicle%2C,BEV%20and%20PHEV%20unit%20sales.&text=China%20accounted%20for%2073.1%25%20of,%25%20and%20Japan%20with%201.3%25> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Dkhar, A., Tamim, M. A. M., Walid, S. S. Perspectives and Obstacles for Afghanistan to be a Part of the China's Belt and Road Initiative // Proceedings of the 2021 International Conference on Social Science: Public Administration, Law and International Relations (SSPALIR 2021). Atlantis Press, 2021. P. 169-173.
14. Faisal, M. Pakistan-China Relations: Beyond CPEC // Strategic Studies. 2020. Vol. 40, № 2. P. 23-44.
15. Jabarkhil, M. H., Parikh, M. BRI Participation of Afghanistan: Assessing Benefits and Drawbacks // American Research Journal of Humanities & Social Science. 2023. Vol. 6, № 12. P. 19-26.
16. Hashimy, S. Q. China's Belt-Road Initiative and Investment Strategies: A Two Pillar Approach to Afghanistan // International Journal of Science and Research. 2023. Vol. 24, № 2. P. 65-92.
17. Naveed, A., Zaheer, A. C., Dost, M. B. The Taliban takeover in Afghanistan: where does China stand? // Journal of Pakistan-China Studies. 2021. Vol. 2, № 1. P. 64-94.
18. Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. "Deepening Connectivity and Expanding Trade, Through Investment in Infrastructure and Improving Synergy" // Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. - Kabul: Ministry of Foreign Affairs. 2017. URL: <http://recca.af/wp-content/uploads/2017/11/RECCA-Annual-Review-2017-FINAL-VERSION.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

19. Safi, M., Alizada, B. Integrating Afghanistan into the Belt and Road Initiative: Review, Analysis and Prospects // Friedrich Ebert Stiftung. 2018. P. 1-78.
20. Sudha, R. Can the Belt and Road Initiative Succeed in Afghanistan? // ChinaBrief. 2023. Vol. 23, № 9. P. 19-24.
21. Xiangyu, Z. Afghanistan and Regional Security: Implications for China // Policy Perspectives. 2011. Vol. 8, № 2. P. 65-72.
22. Yao-Tian, F., Li, W. Parsing China's geostrategic designs in the post-war Afghanistan // International Trends. 2022. Vol. 20, № 3. P. 45-54.
23. Zaki, Z., Tian, G. L., Amini, M. Y. Literature Review on Belt and Road Initiative's Integration for Trade Connectivity of Afghanistan // Open Journal of Business and Management. 2023. Vol. 11. P. 3287-3312. DOI: 10.4236/ojbm.2023.116179. EDN: SUHXWO.
24. Zhang, J. Extending the China-Pakistan Economic Corridor to Afghanistan: Progress and Prospect // East Asian Policy. 2023. Vol. 15, № 3. P. 115-127. DOI: 10.1142/s1793930523000247. EDN: YPVHNM.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Авторы рецензируемой статьи исследуют современные перспективы экономического сотрудничества Китая и Афганистана. С учетом того, что в последние годы Пекин последовательно наращивает влияние (как экономическое, так и политическое) в Центральной Азии, актуальность данной темы сомнений не вызывает. Авторы ставят целью своего исследования оценку экономических, политических и инфраструктурных факторов, влияющих отношения КНР и Афганистана. Однако, текст рукописи посвящен в основном экономическим вопросам, в то время как политические аспекты экономических отношений Пекина и Кабула практически не рассматриваются (исключение составляют эпизодические упоминания проблем терроризма и радикального исламизма). Вызывает вопросы и методология исследования. Так, авторы не раскрывают – какие конкретно «качественные методы» и как именно используются для достижения цели статьи? Также странным выглядит то, что авторы использовали для сбора данных вторичные источники. Согласно общепринятым академическим стандартам, достоверность данных подтверждается посредством ссылок на первоисточники, чего авторы данной статьи почему-то избегают. «Перекрестная проверка данных» (то есть, сверка определенных данных по разным источникам) это само по себе неплохо, но не лучше ли использовать первоисточники? Еще более необычным выглядит упоминание «авторитетных онлайн-баз» в качестве эмпирической основы исследования. Научная новизна исследования неочевидна. С одной стороны, авторы собрали и проанализировали объемный эмпирический материал, относящийся к экономическим отношениям КНР и Афганистана. С другой, в статье нет никаких новых данных, которые могли бы помочь выявить те или иные новые (!) тенденции в развитии этих отношений. Авторы уделяют очень большое внимание описанию природных ресурсов Афганистана, перспективам добычи полезных ископаемых и т.п., но при этом анализу экономических процессов (и, особенно, связанных с ними политических проблем)делено гораздо меньше места. Как следствие, рукопись производит впечатление преимущественно экономического исследования и поэтому в текущем виде может представлять интерес скорее для читателей издания, посвященного проблемам международной и региональной экономики, чем для аудитории журнала «Мировая политика». В заключительной части

авторы в который раз пишут про «стратегическое положение Афганистана», его «богатые природные ресурсы», а также про исторически присущую этой стране политическую нестабильность. Очевидность (если не сказать «тривиальность») данных тезисов существенно снижает ценность предпринятого авторами исследования. Я рекомендую авторам усилить акцент на политических аспектах экономических отношений КНР и Афганистана, обозначить вклад данного исследования в существующие знания, привлечь больше первоисточников, а также академических работ российских авторов. Например, можно обратить внимание на следующие труды – 1) Дьяконова М., Шарипов Ф. Афганистан и его роль для России и Китая // Современные востоковедческие исследования. 2022. № 4; 2) Клименко А. Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана // Китай в мировой и региональной политике. 2022. № 27; 3) Bekmurat R., Serikkaliyeva A. Analysis of China's Investment in Afghanistan // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2022. № 2.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает потенциал экономического сотрудничества Китая и Афганистана после вывода войск США в 2020–21 гг. Авторы справедливо связывают высокую научную актуальность выбранной для исследования темы с существующей лакуной в изучении экономического сотрудничества указанных двух стран, и соответственно, стремление заполнить эту лакуну вполне понятно. А вот методология исследования проработана довольно слабо: совершенно непонятно, что означает «качественный исследовательский подход» (это какой конкретно?), или «аналитико-синтетический метод» (это как? разрезать лягушку на части, а потом склеить эти части скотчем?), или «историко-логический метод» (КАК логика связана с историей? логику в историческом процессе ищет исследователь, а нередко и просто приписывает эту логику, соответственно, «историко-логический метод», как и «аналитико-синтетический метод» – это «колёсно-гусеничный танк, имеющий пулемётную пушку»). Из всей довольно сумбурно описанной теоретико-методологической базы можно было бы «принять» системный подход (который реально НИКАК не использовался в работе, поскольку слово «элемент» в тексте не встречается ни разу, а слово «система» встречается три раза, из которых первое употребление – декларация системного подхода во введении, затем упоминание некоей «систематизации» в выводах, и ещё одно употребление в тексте буквально мимоходом, походя), а также «сочетание» подходов к исследованию международных отношений – реализма и либерализма. Учитывая, что реализм противостоял либерализму в международных отношениях и критиковал последний за чрезмерный идеализм и утопичность, попытка сочетать эти два подхода означает эклектику. Как авторы намеревались сочетать установку на кооперацию и институционализацию в международных отношениях (либерализм) с установкой на конкуренцию и преследование эгоистичных интересов в условиях анархии (реализм)? Собственно, то, на что указывают авторы, не делает необходимым подобную эклектику: анализ «силовой и безопасностной мотивации» государств не требует реалистской парадигмы, а исследование экономического сотрудничества не обязательно производить в рамках либеральной парадигмы. Таким образом, несмотря на то, что авторы пытаются оправдать свой методологический сумбур и эклектику ограниченностью данных ввиду нестабильности в Афганистане и «строгой информационной политикой

Китая», это никоим образом его не оправдывает. Если нет данных, не нужно брать такую тему. Выбирать следует ту тему, по которой есть данные. Или лучше продумывать теоретико-методологическую базу, которая позволит даже при ограниченных эмпирических данных получить научно достоверные результаты. Например, некоторые статистические данные это позволяют. Или институциональный анализ. Причём, самое интересное здесь то, что авторы на самом деле применяли указанные методы: и институциональный анализ (при исследовании «контекста экономического сотрудничества», при оценке перспектив сотрудничества и т. д.), и анализ вторичных статистических данных (в тех же разделах), и целый ряд других вполне уважаемых методов. Он просто не отрефлексировал должным образом теоретико-методологическую базу своего исследования, действовал по наитию, а это означает, что научная ценность полученных результатов весьма проблематична. Соответственно, при доработке текста авторам следует тщательно продумать, какие конкретно методы применялись, к каким конкретно объектам, и какие конкретно результаты применение этих методов позволило получить. С акцентом на новизне этих результатов. Только после такой работы статью можно будет рекомендовать к публикации. Все оговорки про недостаток данных лучше убрать. Потому что если данных было недостаточно, то и писать статью не следовало. По высказанным причинам крайне проблематично также оценить степень научной новизны. Авторы действительно выбрали крайне интересную и недостаточно изученную тему, но слабость методологической базы не позволяет считать полученные результаты научными. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и, насколько можно судить на данном этапе, отражает основные аспекты проведённого исследования. Но при доработке методологии логика применения выбранных научных методов может изменить структуру текста. На данный момент в тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, а также формулируется цель исследования; - «Методология исследования», где осуществляется (неудачная!) попытка представить теоретико-методологическую базу проведённого исследования; - «Контекст экономического сотрудничества», где авторы пытались воспроизвести исторический и институциональный контекст экономического сотрудничества между Китаем и Афганистаном и, в принципе, ему это удалось; - три содержательных раздела «Перспективы интеграции в рамках Инициативы "Пояс и путь"», «Перспективы в Экономическом коридоре Китай–Пакистан» и «Минеральный потенциал Афганистана», где последовательно оценивается потенциал сотрудничества Китая и Афганистана на базе реализации китайской инициативы «Пояс и путь», в экономическом коридоре Китай–Пакистан, а также интерес Китая к Афганистану как источнику минеральных ресурсов; - «Основные препятствия», где исследуются ключевые проблемы экономического сотрудничества Китая и Афганистана; - «Выводы», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, все заголовки разделов статьи нуждаются в стилистической правке, поскольку сформулированы излишне размыто: «Контекст экономического сотрудничества» [кого с кем? – рец.], «Основные препятствия» [для чего? – рец.]; и др.) и грамматических (например, пропущенные слова и опечатки, как в предложении «Системный подход обеспечил [ЧТО обеспечил? возможность? – рец.] рассмотреть процесс сотрудничества...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 24 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу

формального подхода авторов к разработке теоретико-методологической базы исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести весьма интересную и актуальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объём эмпирического материала, привлечённый для анализа. Однако какими конкретно методами проводился этот анализ, осталось совершенно неясным.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её подготовки нельзя квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Крайняя слабость теоретико-методологической базы не позволяет считать полученные результаты научными. Тем не менее, сама тема крайне интересна и нуждается в дальнейшем развитии. Поэтому после доработки теоретико-методологической базы полученные авторами результаты вполне могут быть интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой экономики, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика» и после устранения высказанных замечаний может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступает экономическое сотрудничество Китая и Афганистана, которое рассматривается авторами на примере периода после вывода войск США из этой страны в 2021 г.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных публикаций и интернет-источников по рассматриваемой теме, анализе статистических данных и их визуализации.

Актуальность работы авторы связывают со стратегическим местом Афганистана в региональной геополитике и торговле ввиду его уникального географического положения между Южной Азией, Центральной Азией, Ближним Востоком и Восточной Азией, а также с усилением интереса Китая к участию в восстановлении инфраструктуры и оживлению экономики Афганистана и ограниченностью имеющихся исследований, посвящённых рассматриваемому предмету исследования.

Научная новизна работы состоит в представленных результатах оценки экономических и политических факторов, влияющих на двусторонние отношения Китая и Афганистана, а также возможностей и препятствий долгосрочного партнёрства этих стран.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Контекст экономического сотрудничества Китая с Афганистаном, Перспективы интеграции в рамках Инициативы «Пояс и путь», Перспективы в Экономическом коридоре Китай–Пакистан, Минеральный потенциал Афганистана, Основные препятствия для сотрудничества, Выводы и Библиография.

Интенсификацию двусторонних отношений между Афганистаном и Китаем авторы в публикации объясняют следующими мотивами: потребностью Афганистана во внешней финансовой поддержке в условиях тяжелейшего внутриполитического и экономического кризиса; определёнными гарантиями Китаю в сфере безопасности; возможностью подключения Афганистана к экономическому коридору Китай–Пакистан и перспективами более широкого доступа к мировым товарным рынкам.

Библиографический список включает 24 источника – публикации по рассматриваемой теме на русском языке и иностранных языках в научных журналах, а также интернет-

ресурсы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить, что в публикации названия рисунков сформулированы в форме утверждений – привычные краткие наименования смотрелись бы более презентабельно, например, рисунок 1 «Китай экспортирует в Афганистан (2012–2024) (Валюта, используемая в таблице — доллары США)» предлагается назвать «Динамика экспорта из Китая в Афганистан в 2012–2024 гг., млн долл. США»; поскольку статья написана на русском языке, то и на рисунках подписи единиц измерения величин по осям следует привести на русском языке. Кроме этого все рисунки в статье представляют собой ранее опубликованные материалы без каких-либо дополнительных авторских расчетов и трансформаций – в ряде случаев можно было бы обойтись адресными отсылками к первоисточникам, тем более, что изображения оказываются размытыми, также не понятна цель воспроизведения таблицы в форме вставки ее изображения на рисунке 3.

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал соответствует тематике журнала «Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.